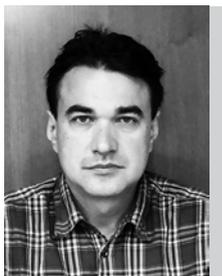

УДК 322

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПРОЕКТАХ SOFT-POWER НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СЛУЧАЙ УКРАИНЫ)

Донцев Сергей Павлович,

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
кандидат политических наук,
Москва, Россия,
E-mail: dontsev@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу религиозно-политического конфликта на Украине в контексте применения российской «мягкой силы» в период 1990–2017 гг. Показана эволюция использования ресурсов и возможностей Русской православной церкви в качестве российской «мягкой силы». Анализируется концепция Русского мира и ее влияние на стратегии «мягкой силы».

Ключевые понятия:

Русская православная церковь, Украина, мягкая сила, государственно-конфессиональные отношения, политическое проектирование, Русский мир.

Концепция «мягкой силы», так серьезно повлиявшая на теорию и практику международных отношений на рубеже XX–XXI веков, получила в России собственное оригинальное прочтение. Новаторство российского применения инструментов и механизмов «мягкой силы» проявляется в том числе и благодаря тому, что в качестве российской «мягкой силы» используются ресурсы и возможности крупнейшей российской религиозной организации – Русской православной церкви (далее РПЦ). Случай Украины представляет особый интерес в силу того, что именно здесь взаимодействие государственных и религиозных институтов как России, так и Украины происходило на фоне острого религиозно-политического конфликта. Раскол украинского православия, непрерывающиеся попытки создания Украинской автокефальной церкви, (поддерживаемые политическим руководством Украины), противодействие

этому процессу со стороны РПЦ (при поддержке российских государственных институтов), использование религиозного фактора в борьбе за власть самыми разными политическими силами на Украине, а также попытки России влиять с его помощью на политический процесс у соседа – все это создает настолько сложную картину, что возникает закономерный вопрос: а можно ли в этих условиях говорить о каком-либо целенаправленном проекте по применению «мягкой силы» на Украине? Ответ, скорее, будет отрицательным. Можно говорить только о локальных, ситуативных проектах, представляющих собой реакцию на конкретный политический вызов.

Элементы мягкой силы вне какого-либо устойчивого проекта по ее реализации мы можем находить на самых разных этапах взаимодействия РПЦ и государства по украинской проблематике, но о проектах как таковых можно говорить только начиная с 2008–2009 гг., когда началось формирование российской модели «мягкой силы» и ее концептуализация, стала создаваться система институтов их применения, появились информационные каналы воздействия на целевую аудиторию за рубежом. Безусловным проектным потенциалом обладала и концепция «Русского мира», которая будет более детально рассмотрена чуть ниже.

Обострение межконфессиональной обстановки на Украине в конце 1980-х – начале 1990-х гг. началось по поводу юрисдикции приходов РПЦ, оказавшихся в условиях давления со стороны как возрождающихся религиозных организаций, претендующих на ее имущество (Греко-католической церкви, Украинской автономной православной церкви), так и раскольнических групп внутри самой РПЦ, ориентированных на разрыв с Московской патриархией и пользующихся поддержкой местной власти. РПЦ в противодействии этому давлению могла действовать как самостоятельно, так и через Украинскую православную церковь Московского патриархата (УПЦ МП), которая в 1990 г. получила от РПЦ автономию в вопросах внутреннего управления. Однако эта автономия позволяла и позволяет УПЦ МП предпринимать и самостоятельные шаги, в том числе и по дистанцированию от инструментов российской «мягкой силы».

В 1992 г. глава входящей в РПЦ Украинской православной церкви митрополит Киевский Филарет (Денисенко) пошел на разрыв отношений с Московской патриархией и объявил о своей полной самостоятельности. Те епископы и священники, кто поддержал митрополита Филарета, образовали т. н. Украинскую православную церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и объявили митрополита Филарета патриархом. Со временем УПЦ КП стала позиционировать себя как основной институт противодействия российской экспансии в духовной сфере, и наиболее жестко обвинять УПЦ МП в том, что она является проводником российских интересов, инструментом «мягкой силы» и представляет угрозу национальным интересам Украины.

Хотя основным предметом спора РПЦ и УПЦ МП с другими украинскими религиозными организациями изначально являлась юрисдикция приходов, он очень быстро перерос в вопрос о том, кто же будет официально представлять православие на Украине и в этом качестве стал задавать контекст российско-украинских отношений. Этому способствовало стремление Патриарха Филарета поддерживать конфессиональную политику Президента Украины Л. Кравчука,

провозгласившего лозунг «Независимому государству – независимую церковь». Патриарх Филарет заявлял, что «Москва любой ценой хочет сохранить рычаги духовного влияния на Киев – в дополнение к политическим и экономическим» [2]. Посещавшего Украину с пастырскими визитами Патриарха Алексия прямо обвиняли в реализации кремлевской политики по ограничению украинской государственности. Получалась парадоксальная ситуация, «руку Москвы» на Украине зачастую видели там, где ее, по всей видимости, не было. Т.е. российская «мягкая сила» в лице РПЦ вплоть до начала 2000-х годов, скорее, конструировалась и демонизировалась в медийном пространстве Украины сторонниками автокефалии украинской церкви, чем существовала на самом деле. РПЦ действительно стремилась заручиться поддержкой государственных структур России при противодействии альтернативному украинскому православию. И, порой, она получала такую поддержку, но говорить, что в 90-е годы она являлась проводником российской политики на Украине или реализовывала инициированный государством проект «мягкой силы» было бы некорректно.

Влияние государственных институтов России при развитии межконфессионального конфликта на Украине претерпело определенные изменения, связанные, в первую очередь, с их интенсивностью. При Президенте Б. Н. Ельцине тема раскола на Украине как предмет межгосударственных отношений практически не поднималась. Более того, при анализе публикаций начала 1990-х гг. складывается впечатление, что российские политики с пониманием относились к возможности предоставления независимости Украинской церкви. С избранием президентом В. Путина церковный раскол на Украине более заметно вошел в повестку межгосударственных отношений. Более того, российский президент даже взял на себя функции посредника по урегулированию этого конфликта, поддержав Патриарха Алексия в попытках убедить Л. Кучму «не форсировать события» на торжественном банкете в Кремле в ноябре 2001 г. [7]. Это почти удалось – вплоть до 2004 г. конфликт перешел в вялотекущую стадию. Участие в нем России ограничивалось тем, что МИД РФ эпизодически напоминал об ущемлении прав сторонников УПЦ МП.

Ситуация стала меняться в преддверии президентских выборов на Украине в конце 2004 г. Именно с этого момента можно говорить об РПЦ в качестве «мягкой силы» России. Председатель Правительства Украины В. Ф. Янукович в своей предвыборной агитации опирался на УПЦ МП (в прессе широко освещались его пожертвования на восстановление храмов, посещение в сопровождении иерархов УПЦ МП горы Афон, встреча в Москве с Патриархом Алексием II и пр.). Митрополит Киевский и всея Украины Владимир заявил, что он дал свое благословение на участие в выборах В. Ф. Януковичу, в храмах распространялись материалы в его поддержку, служились молебны о даровании ему победы [3]. В данном случае уже можно предположить, что столь активная поддержка одного из кандидатов со стороны РПЦ и УПЦ МП проходила в рамках определенного проекта, которой можно рассматривать как проявление российской «мягкой силы», хотя и неудачное – на выборах победил В. Ющенко. Для РПЦ участие в поддержке В. Януковича осложнило отношения с победившей оппозицией, не позволило добиться каких-либо подвижек, связанных с преодолением раскола, и возвращения под свою юрисдикцию отколовшихся приходов.

После президентских выборов 2004 г. и перед РПЦ, и перед государственным институтом РФ встала задача по налаживанию институциональных взаимодействий с новой украинской властью. Хотя поддержка УПЦ МП со стороны российского государства и сохранилась, но она стала значительно менее политизированной.

Накануне парламентских выборов на Украине в 2006 г. патриарх Кирилл призвал политиков этой страны не втягивать православных священнослужителей в политическую борьбу [5]. 3 марта 2006 г. по инициативе В. Ющенко была подписана декларация, запрещающая использование авторитета церкви в ходе предвыборной агитации. Тем не менее, в предвыборной кампании участвовали представители всех украинских церквей, в том числе и УПЦ МП. Однако в этом эпизоде политической борьбы на Украине УПЦ МП действовала в большей степени как самостоятельный актер с минимальной поддержкой со стороны Московской патриархии и государственных институтов РФ.

В дальнейшем на территории Украины сохранялся статус-кво в государственно-конфессиональных взаимодействиях. Президентская кампания 2010 г, завершившаяся победой В. Януковича, отличалась незначительным (по сравнению с 2004 г.) использованием конфессионального фактора. Да, звучали традиционные обвинения УПЦ МП в промосковской позиции, но «мягкая сила» России проявлялась здесь внеконфессионально.

Правда в этот же период начала более активно артикулироваться концепция «Русского мира», имеющая признаки политического проекта [1, с. 134–135]. То, что она является элементом российской «мягкой силы», признается политическим руководством России [4, с. 1]. Одной из особенностей этой концепции является ее тесная связь с системой смыслов и ценностей, которыми он – «Русский мир» – наделяется РПЦ, и это проявляется как в попытках его дефиниции, определения границ и наделения его признаками политического проекта. Для РПЦ принципиальным критерием определения границ и единства «Русского мира» является принадлежность к православию. При этом иные критерии общности – пространство распространения русского языка и российской культуры являются дополняющими. Ключевым же является духовное единство, которое является, как было сказано в 2008 г. на Архиерейском Соборе РПЦ, «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии, которые должны его сохранить [9]. Характерно, что российское государство в лице своих представителей избегает упоминаний о религиозной составляющей единства «Русского мира», которая транслируется преимущественно РПЦ.

Развивая концепцию «Русского мира», РПЦ начиная с 2007–2008 г. все чаще стало использовать образ «Святой Руси». Архиерейский собор РПЦ в 2008 г. дал определение «Святой Руси», как особому цивилизационному пространству, общей родине восточнославянских народов [6]. В дальнейшем, этот образ неоднократно появлялся в выступлениях Патриарха Кирилла в контексте необходимости сохранения общей исторической памяти, культуры и духовных ценностей с перспективой более тесной интеграции (в том числе и политической) России, Украины и Беларуси.

Такие программные положения концепции «Русского мира», как воссоединение разделенного русского народа и защита его интересов (в том

числе и права на использование русского языка) с высокой интенсивностью транслировались как представителями церкви, так и государства.

Однако, применительно к Украине, тональность высказываний со стороны РПЦ принципиальным образом стала меняться с присоединением Крыма к России и обострением конфликта на Востоке Украины в 2014 г. Если раньше (особенно в 2008–2013 гг.) Церковь в унисон с государственными институтами и аффилированными с ним фондами делала акцент на интеграции стран русского мира (в том числе и Украины), превращении их в один из мощных цивилизационных полюсов современного мира [8], то затем интеграционная риторика пошла резко на убыль. После того, как пророссийские сепаратисты в самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республиках стали активно апеллировать ценностями «Русского мира» и реализовывать логически вытекающий из них проект т.н. «Русской весны», а на Украине была развернута масштабная информационная кампания по дискредитации любых интеграционных связей с Россией, для РПЦ стал остро вопрос сохранения своих позиций, а, порой, и физического выживания в новых украинских политических реалиях. В этих условиях интеграционная, проектная составляющая «Русского мира» в риторике церковных иерархов стала сменяться на «охранительную», в которой основной упор делался на сохранение духовной традиции, чем на возможное преобразование политической реальности и создание новых геополитических союзов. Официальная позиция РПЦ и УПЦ МП в ходе продолжающегося конфликта между Россией и Украиной предельно осторожная, с максимальною обтекаемыми формулировками, призывами к прекращению кровопролития, избеганием острых оценок и суждений. Так, в выступлениях Патриарха Кирилла практически отсутствуют сюжеты по поводу признания Крыма частью России или осуждения украинского режима. Одновременно УПЦ МП, избегая резких антироссийских высказываний, говорит о Донбассе и Крыме как неотъемлемой части Украины. А те епархии, которые там действуют, сохраняют юрисдикцию УПЦ МП. Именно такая позиция позволяет сохранять единство РПЦ и УПЦ МП, но делает фактически невозможным использование конфессионального фактора в качестве «мягкой силы» России на Украине. Однако оппоненты Московской патриархии со стороны альтернативного украинского православия вновь, как и в начале 1990-х гг., обвиняют УПЦ МП в предательстве национальных интересов Украины, а РПЦ – в поддержке «имперской российской политики». Можно даже сказать, что ими создается образ фантомной «мягкой силы», не имеющей реальных оснований в форме политического проекта.

Таким образом, конфессиональный фактор в процессе формирования российской «мягкой силы» на Украине приобрел следующие характеристики: 1) поддержка Россией РПЦ в межконфессиональном конфликте и формирование негативного образа РПЦ в медийном пространстве Украины как проводника российских интересов (1990–2003 гг.); 2) Активизация конфессионального фактора российской «мягкой силы», неудачная попытка влияния на политический процесс на Украине (2003–2004 гг.); 3) Формирование концепции «Русского мира», попытка ценностного обоснования интеграционных процессов России и Украины (2005–2013 гг.); 4) Российская «мягкая сила»

без использования ресурсов религиозных организаций, РПЦ и УПЦ МП как фантомная «мягкая сила» в медийном пространстве Украины (2014 г. – н. в.). Несмотря на то, что сегодня конфессиональный фактор в построении проектов российской «мягкой силы» на Украине предельно минимизирован, его потенциал не исчерпан, вследствие чего нельзя исключать его новой актуализации.

1. Донцев С.П. Конфессиональный фактор в проектировании «Русского мира» // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: материалы XI Международной научной конференции – Москва: Мир философии, 2016. – С. 134–141.

2. Интервью Патриарха Филарета корреспонденту газеты «Новые Известия» Е. Комарову / Патриарх Филарет: «Россия толкает Украину на белорусский путь» // Новые Известия. 2001. 19 июня.

3. Кураев А., диакон. Украина делает выбор // Церковный вестник. 2004. № 24.

4. Лавров С.В. Внешнеполитическая философия России // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 1–8.

5. Митрополит Кирилл призвал украинских политиков не втягивать Православную церковь в политическую борьбу // Интерфакс – Религия. 16 нояб. 2005 г. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559.

6. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» // Официальный сайт Московской патриархии 27 июня 2008 г. – Режим доступа: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html.

7. Патриарх Алексей и Леонид Кучма обсудили статус Украинской Православной Церкви // Информационное агентство «Русская линия». 30 нояб. 2001 г. – Режим доступа: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373>.

8. Патриарх Кирилл призывает страны русского мира стать центрами единой мощной цивилизации / Интерфакс – Религия. 3 ноября 2010 г. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063.

9. Собор называет единство Святой Руси «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 27 июня 2008 г. – Режим доступа: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181.

References

1. Doncev S.P. Konfessional'nyj faktor v proektirovanii «Russkogo mira» // Politicheskoe proektirovanie v prostranstve social'nyx kommunikacij: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii – Moskva: Mir filosofii, 2016. – S. 134–141.

2. Interv'yu Patriarxa Filareta korrespondentu gazety «Novye Izvestiya» E. Komarovu / Patriarx Filaret: «Rossiya tolkaet Ukrainu na belorusskij put'» // Novye Izvestiya. 2001. 19 iyunya.

3. Kuraev A., diakon. Ukraina delaet vybor // Cerkovnyj vestnik. 2004. № 24.

4. Lavrov S.V. Vneshnepoliticheskaya filosofiya Rossii // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2013. № 3. S. 1–8.
 5. Mitropolit Kirill prizval ukrainskix politikov ne vtyagivat' Pravoslavnuyu cerkov' v politicheskuyu bor'bu // Interfaks – Religiya. 16 noyab. 2005 g. – Rezhim dostupa: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559.
 6. Opredelenie Osvyashhennogo Arxierejskogo Sobora Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi «O edinstve Cerkvi» // Oficial'nyj sajt Moskovskoj patriarxii 27 iyunya 2008 g. – Rezhim dostupa: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html.
 7. Patriarx Aleksij i Leonid Kuchma obsudili status Ukrainskoj Pravoslavnoj Cerkvi // Informacionnoe agentstvo «Russkaya liniya». 30 noyab. 2001 g. – Rezhim dostupa: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373>.
 8. Patriarx Kirill prizyvaet strany russkogo mira stat' centrami edinoj moshhnoj civilizacii / Interfaks – Religiya. 3 noyabrya 2010 g. – Rezhim dostupa: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063.
 9. Sobor nazyvaet edinstvo Svyatoj Rusi «velichajshim dostoyaniem» narodov Rossii, Ukrainy i Belorussii [E'lektronnyj resurs] // Interfaks – Religiya. 27 iyunya 2008 g. – Rezhim dostupa: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181.
-

UDC 322

RELIGIOUS FACTOR AND SOFT-POWER PROJECTS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES (THE CASE OF UKRAINE)

Dontsev Sergei Pavlovich,

Russian State University for the Humanities,
PhD in Politics,
Moscow, Russia,
E-mail: dontsev@gmail.com

Annotation

The article is devoted to the analysis of the religious-political conflict in Ukraine in the context of Russian soft power in 1990-2017. The evolution of the use of resources and possibilities of the Russian Orthodox Church as Russia's soft power are shown. The Russian World concept and its impact on the strategy of the soft power are analyzed.

Key concepts:

Russian Orthodox Church, Ukraine, soft-power, the state-religious relations, political engineering, Russian World.
